

ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИЦИОННОЙ КОДЫ ЭПИСТОЛЯРНОГО РАССКАЗА В РАССКАЗЕ ЯСУСИ ИНОУЭ «ОХОТНИЧЬЕ РУЖЬЕ».

<https://doi.org/10.5281/zenodo.6653788>

Бакаева Нилуфар Абдуллоевна

Самаркандский Государственный Институт
Иностранных языков стажёр-преподаватель кафедры
«Дальневосточных языков» японского направления

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируются особенности композиционные коды и возможности ее в эпистолярном жанре. Подчеркивается важность развитие оппозиции внутри трех концептов «Смерть-любовь-преступление», рассматриваются возможности эпистолярного жанра.

Ключевые слова: композиционная кода, эпистолярный жанр, художественные концепты «предательство», концептуальная оппозиция «Смерть-любовь-преступление», дискурс, символ.

ABSTRACT

This article analyzes the features of compositional codes and its possibilities in the epistolary genre. The importance of the development of opposition within the three concepts of "Death-love-crime" is emphasized, the possibilities of the epistolary genre are considered.

Keywords: compositional code, epistolary genre, artistic concepts "betrayal", conceptual opposition "Death-love-crime", discourse, symbol.

ВВЕДЕНИЕ

Рассказ Ясуси Иноуэ «Охотничье ружье» поэпистолярной форме и трагической теме-«преступной любви» вписывается в традиции японской литературы. Достаточно указать на повесть современного японского прозаика Тэру Миямото «Узорчатая парча» 1985 г., чтобы оценить важность художественных концептов «любовь и смерть» с этническими оттенками: «Генерированный культурой художественный концепт «фиксирует в тексте», репрезентуя уникальные черты, отражающие мировидение автора, и возвращается в культуру, внося новые акценты в концептуализацию воспринимаемой действительности» (Красовская 2011:3). Традиционным

сюжетом в японской литературе является нравственный кризис «преступного любовного конфликта», который разрешается самоубийством или двойного самоубийства любовников («Узорчатая парча»).

МЕТОДЫ

Особенность сложной композиции несет дополнительную информацию «Композиционный код особенно важен для декадирования образного и эмотивно кода текста» (Болотнова 2009:71). В рамках данного понимания отметим смену точек зрения трех разных персонажей на одного героя Дзёсиги Мисуги, что отражено во внешней архитектонике рассказа.

В рассказе «Охотничье ружье», состоящем из трех писем, концепты «любовь и смерть» являются частотными, образующими разные по модальности и психологической остроте ситуации. Поскольку эпистолярный жанр имеет свои «лингвостилистические» преимущества, выделим каждое письмо.

Письмо первое. 20-летняя Сёко узнает о длительной связи своей матери и дядюшки (мужа любимой тетушки Мидори). Автор создает эмоциональный монолог, который перемежается обращением «Дядюшка», в котором раскрывается характер наивной и чистой девочки: «Я узнала о том, что вас с матушкой связывала **любовь**, которую никто не благословил, не имея на то право» (Иноуэ 1980:60).

Автор воссоздаёт представления о любви в восприятии Сёко в разной модальности: позитивная модальность «любовь уподоблялась нагой женщине с распущенными волосами, которая горделиво стоит у чудотворного источника, прижав ладони к высокой груди с упругими, словно бутоны, сосками» (Иноуэ 1980:65). Негативной символ любви – стеклянный шар с замурованным лепестком «мое сердце разрывает жалость, жалость к вашей любви, подобной этому злосчастному лепестку» (Иноуэ 1980:62).

Так возникает тема «преступной любви» в восприятии Сёко. Концепт «любовь» в представлении девочки «сверкающее, благословенное богом и людьми чувство», это характеристика ее миропонимания, возраста, воспитания. Соглашаемся с О.Ю.Подъяпольской, которая характеризует возможности эпистолярного дискурса: «Основными системообразующими категориями эпистолярного дискурса, основу которого составляют документальные автобиографические тексты, являются: категория персональности, категория адресованности, категория референции, категория модальности, а также

категория имплицитности, которые обнаруживают в нем свою специфику.(Подъяпольская2008:348)

Адресат всех трех писем является Дзэсука Мисуги, который в рассказе представляет в трех разных ипостасях. Для Сёко он-любимый дядюшка, в письме неоднократно подчеркивается: «Дядюшка». Сёко испытывает настоящую родственную любовь, она благодарна за постоянное внимание, за организацию похорон, но писателю важна перечеркнуть все так как отныне он не дядюшка, а преступник «отныне мне бы не хотелось встречаться ни с Вами, ни с Мидори.... Я хочу забыть о преступлении» (Иноуэ 1980:69). Как видим, Ясуси Иноуэ соединяет во восприятии девочки 3 понятие: «любовь-преступление-смерть».

Письмо второе. Адресатом является «Господин Дзэсука Мисуги!». Ясуси Иноуэ в таком подчеркнутом обращении даёт новые взаимоотношения, когда Мидори инициировала развод. Каждое письмо предполагает в рамках эпистолярного жанра монолог само характеристику. Можно отметить, что весь монолог это не обвинении равнодушному мужу, а попытка разобраться в природе своей не однозначной и безответной любви. Отметим, традиционная японская обращения к поэзии, как квинтэссенции чувств:

«Верно, мне не дано
Узнать Ваши светлые мысли.
Хочу подойти,
Но боюсь ненароком нарушить
Высокое это безмолвье» (Иноуэ 1980:70).

Данное стихотворение можно считать этноконцептом любви, которую выражает несчастная жена. Поэтому писатель, создает признания «Я вложила в эти слова чувства несчастной жены...» (Иноуэ1980:71). Доказательством тому, считаем утверждение Клебановы Н. В. продуктивным: «Специфика художественного концепта выявляется при сопоставлении вербализованных представлений автора об объектах вторичной действительности, создаваемой в художественных текстах, с объектами реального мира, зафиксированными в культуре на концептном уровне» (Клебанова 2005:22).

Ясуси Иноуэ создает лингвостилистическую самохарактеристику Мидори «увлечение европейской живописью, провокации равнодушного мужа бесконечными романами, стойкостью» и родственной любовью дочке сопернице. Любовный треугольник утяжеляется родственными взаимоотношениями. Главный конфликт центрирован на ситуации с «голубой

накидкой». В рамках эпистолярного жанра, один и тот же факт биографии писателем может быть представлен в 23 различных интерпретациях. Если для Сёко, парадная накидка матери – есть красивое деталь национального костюма, для Мидори это доказательство предательства мужа и кузины. Отметим, что важность того ракового дня, когда Мидори увидела накидку и призналась: «– Ты была в этой накидке, когда ездила вместе с Мисуги в Атами.... И тогда я ощутила такую радость, словно меня освежили тугие струи благодатного дождя: вот она – минута, которой я ждала столько лет!» (Иноуэ 1980:79). Писатель как бы стягивает, в этой символической сцене 3 реакции женщин разного статуса: дочери-жены-любовницы. Реакция Аяко: «– Я сейчас выпила яд...» (Иноуэ 1980:67). Мидори отмечает такую острую реакцию Аяко, которая должна неминуемо закончиться смертью: «В это мгновение смерть вошла в Аяко» (Иноуэ 1980:79).

Именно этот момент писатель отмечает концептом преступления. Для восприятия Сёко, преступление матери символично воспринимается Сёко: «грохот рушащейся Эйфелевой башни из слов, нагроможденных друг на друга в ее дневнике...» (Иноуэ 1980:67). Таким образом, Ясуси Иноуэ рассматривает в рассказе бинарную оппозицию «смерть-любовь» добавляя, как сопутствующее им концепт преступление. Эти концепты в разных ситуациях, 3 авторов писем создают разную реакцию героин. Примечательно, что Сёко и Мидори желают расстаться с главным преступником, поэтому письмо Аяко есть предсмертное признание в любви.

Соглашаясь с мнением О.Ю. Подъяпольская: «Адресат письма, как правило, представляет собой конкретное, лично (либо косвенно) знакомое адресанту лицо. В зависимости от своеобразия модели речевой коммуникации, лежащей в основе эпистолярного дискурса, в нем могут быть выделены различные виды адресата: 1) персональный адресат-«Другой»; 2) персональный адресат, совмещенный с адресантом в процессе автокоммуникации» (Подъяпольская 2008:348). Автор создает комплексное представление о Дзёсуки Мисуги, с позиции обманутой, но любящей жены «...лицо Ваше станет таким грустным, каким его видела только я (даже Мидори не знает, что у Вас может быть такое лицо!)» (Иноуэ 1980:81).

Письмо третья. В этой письме от любовницы у Дзёсуки Мисуги меняется статус. Отметим, что модалность письма сразу же определяется как трагическая «Когда Вы получите это письмо, меня уже не будет» (Иноуэ 1980:81). Эпистолярный жанр позволяет раскрыть чувства и взаимоотношения с

героем трех авторов писем. Субъективное отношение с большей определенностью проявляется в третьем послании, в котором Аяко не боится создать портрет впечатления своего любовника. Представляется важным подчеркнуть, что японский писатель акцентирует на традиционном красивом обрамлении «...у меня перед глазами омытые дождем деревья на горе Тэнно,.... перед чайным домиком Мёкиан»(Иноуэ 1980:81). С той же традицией Аяко воспринимает свою преступную любовь, письмо насыщено концептами «Любовь-смерть-преступление». Считаем, что основной психологической мотивацией для самоубийства является и признание Мидори, и желание прекратить «преступление».

ВЫВОДЫ

В рассказе много символов значимых для всех женщин(горящая лодка, австралийская змейка, и ставшая символом голубая накидка) Смысл символов не случайно раскрывается в третьем письме, так как для Аяко все они трагичны и раскрываются в концептах «преступление, смерть, любовь». Отметим очередность данных понятий, закрепленных в тексте, поэтому в письме постоянно подчеркивается смерть в ее символах «Пришел последний час, – я всегда знала, что когда-нибудь он наступит, – догорает в море рыбацья лодка» (Иноуэ 1980:91).

Особенность данного рассказа «Охотничье ружье» позволяет автору использовать возможности «композиционные коды» когда первоначальное утверждение об одиночестве Дзёсики Мисуги завершается в финале «...я еще не был так одинок в этом необъятном мире» (Иноуэ 1980:92). Поэтому три письма в которых каждая из женщин покидает его делает концепт «одиночество» значимым для героя. Таким образом, следует подчеркнуть важность внешней композиционной структуры, и возможности внутренней «индивидуальная оптика, представленная в каждой письме».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Болотного Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М.: Флинта: Наука, 2009, -384 с.
2. Клебанова Н. Формирование и способы репрезентации индивидуально-авторских концептов в англоязычных прозаических текстах. Автореферат диссертации кандидата фил наук. Тамбов,2005.-С.26

3. Красовская Н.В. «К проблеме исследования структурно-содержательной специфики художественного концепта в лингвокультурном и дискурсивном аспекте//Известия Саратовского ун-та. Серия Филология.т.11,вып.2.-2011.-С.2-6
4. Подьяпольская О. Ю. «Коммуникативно-прагматические особенности эпистолярного дискурса//Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Сб. ст.участников, Международной научной конференции. Челябинск, 2008.-С.347-350
5. Ясуси Иноуэ «Охотичье ружье» // Современная японская новелла 1945-1978. М.: Художественная литература 1980.-С.53-91
6. クルボノヴァ・グルノザ「『源氏物語』の女子教育—光源氏による明石の姫君の「后がね」教育—」『文化継承学論集』第10号（明治大学大学院文学研究科）、pp.13-25、2014年3月。
7. クルボノヴァ・グルノザ「宇治の大君造型—「静かなり」「重りかなり」「気高し」—」『文学研究論集』第49号（明治大学大学院文学研究科）、pp.145-163、2018年9月。
8. Тухтасинов, И. М. (2011). Лингвокультурологические и гендерные особенности сложных слов в художественном тексте (на материале английского и узбекского языков). Автореф. дисс.... канд. филол. наук. Ташкент: УзГУМЯ.
9. Тухтасинов, И., & Хакимов, М. (2021). Modern views on the problem of distance and traditional methods of teaching italian language in higher education institutions. *Society and Innovation*, 2(2), 111-117.
10. Tukhtasinov, I. M., Muminov, O. M., & Khamidov, A. A. (2017). The days gone by. Novel by Abdulla Qodiriy. Toshkent.
11. Tukhtasinov, I. M. (2018). The structure of the phenomenon of equivalence and its importance for translation strategies. In *Modern Romano-German linguistics and new pedagogical technologies in language teaching*, Materials of the Republican scientific-practical conference, Samarkand.
12. Тухтасинов, И. М. (2018). Развитие профессиональной компетенции на основе эквивалентности при подготовке переводчиков.
13. Tukhtasinov, I. M. (2017). Discursive approach in the training of translators. In *Mat. International scientific and creative forum "Youth in science and culture of the XXI century"*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Institute of Culture (pp. 229-231).

14. Тухтасинов, И. М. (2012). Национально-культурная специфика сложных слов, выражающих внешность и характер человека, в английском и узбекском языках. Вестник Челябинского государственного университета, (2 (256)), 122-125.
15. Тухтасинов, И., & Хакимов, М. (2021). Современные взгляды на проблему дистанционного и традиционного методов обучения итальянскому языку в высших учебных заведениях. Общество и инновации, 2(2), 111-117.
16. Тухтасинов, И. М. (2017). Дискурсивный подход в обучении переводчиков. In Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI в. (pp. 229-231).
17. Тухтасинов, И. (2021). Таржимоннинг касбий компетенцияси ва фаолият функциялари. Иностранная филология: язык, литература, образование, (3 (80)), 5-10.
18. Тухтасинов, И. (2021). Особенности формирования учебного процесса в системе высшего образования Узбекистана в условиях Covid-19. Иностранная филология: язык, литература, образование, (1 (78)), 11-18.
19. Тухтасинов, И. М. (2020). Лингвокультурологический аспект обучения переводческой компетенции. In Язык и культура (pp. 226-231).
20. Тухтасинов, И. М. (2020). Лингвокультурологический аспект обучения переводческой компетенции. In Язык и культура (pp. 226-231).
21. Tuhtasinov, Ihom and Lutfilloeva, Fahriniso, The Japanese Language Teaching Technologies Based on Computer Simulation Models (September 10, 2019). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3458780>
22. Тухтасинов, И. М. (2019). ВНЕДРЕНИЕ ИННОВАЦИЙ В ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА. In Россия-Узбекистан. Международные образовательные и социально-культурные технологии: векторы развития (pp. 111-113).
23. Тухтасинов, И. М. (2018). Методика выявления эквивалентности слов разносистемных языков в процессе перевода. Бюллетень науки и практики, 4(7), 539-544.
24. Тухтасинов, И. (2017). Таржимада маданият мослашиш ҳолатлари. Иностранная филология: язык, литература, образование, 2(2 (63)), 5-9.
25. Тухтасинов, И. (2017). Жамият тарихининг ҳозирги босқичида таржимонлар тайёрлашнинг асосий муаммолари. Иностранная филология: язык, литература, образование, 2(4 (65)), 20-24.

26. Тухтасинов, И. (2016). Таржима назариясида тиллараро эквивалентлик тушунчаси ва унинг тадқиқи. *Иностранная филология: язык, литература, образование*, 1(4), 26-30.
27. Тухтасинов, И. М. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. ББК 74.48 Р 76, 314.
28. Djurayev, D. M. Linguo-cultural Approach to Teaching Foreign Languages. *International Journal on Integrated Education*, 3(12), 240-241.
29. Джураев, Д. (2021). ХИТОЙ ТИЛИНИ ЎҚИТИШДА ТАЛАБА ХАРАКТЕРИНИНГ АҲАМИЯТИ. *АКТУАЛЬНОЕ В ФИЛОЛОГИИ*, 1(1).
30. Джураев, Д. (2020). Талабаларни таълим жараёнида хитой тилига ўқитиш самарадорлигини ошириш методлари. *Иностранная филология: язык, литература, образование*, (1 (74)), 124-127.
31. Джураев, Д. М. (2017). ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОБУЧЕНИЯ И МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В УЗБЕКИСТАНЕ. In *Актуальные вопросы преподавания китайского и других восточных языков в XXI в.* (pp. 84-88).
32. Dilshod, D. (2012). 乌兹别克斯坦与中国重要节日的对比 (Master's thesis, 新疆大学).
33. Турниязов, Н. К. (1985). Принципы формирования синтаксической структуры сложноподчинённого предложения в узбекском языке/-Ташкент. *Укитувчи.*-1985,-с22.
34. Turniyozov, N., & Rahimov, A. (2006). *O'zbek Tili* [M].
35. Турниёзов, Н. (1998). Назарий грамматикадан очерклар. Самарқанд: СамДЧТИ, 998, 48.
36. Сулейманова, Н. М., & Турниязов, Н. К. (2018). О ФОРМИРОВАНИИ СТРУКТУРНОЙ СХЕМЫ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ СОЗНАНИИ. In *Научные школы. Молодёжь в науке и культуре XXI века* (pp. 39-42).
37. Турниёзов, Н. (2016). Синтагматик муносабат ва дискурс шаклланишига доир баъзи қайдлар. *Иностранная филология: язык, литература, образование*, 1(4), 10-13.